

Александр Харников
Максим Дынин

ВЕЧЕРНИЙ ЧАРЛЬСТОН

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Х21

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 252

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

**Харников, Александр Петрович;
Дынин, Максим**

Х21 Русские своих не бросают: Вечерний Чарльстон: роман / Александр Харников, Максим Дынин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2023. — 352 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-159800-6

Война, получившая название Крымской, или Восточной (1853–1856), закончилась. Турция и Франция признали свое поражение. Но этого не желала признавать Англия, продолжавшая по мере сил и возможностей вредить России.

Пришедшие на помощь своей прародине экипажи кораблей Балтийского флота XXI века, неведомым путем оказавшиеся в прошлом, делают все, чтобы завершить войну и приступить к мирной жизни. Многие из попавших в Россию времен императора Николая I новую родину и любимых людей. Мировая история изменила свое течение, и все, что происходит теперь, совершенно не похоже на то, что было в их реальности.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Александр Харников, 2023
© Максим Дынин, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

ISBN 978-5-17-159800-6

Пролог

***22 (10) января 1855 года. Ораниенбаум,
Китайский дворец, Зал муз.
Алла Ивановна Катберт-Домбровская,
она же Мейбел Эллисон Катберт***

Отзвучали последние такты вальса, и мы с Ником вернулись на почетные места в середине длиннющего стола, покрытого белой кружевной скатертью. Я была в красном шелковом платье, облежавшем мою фигуру. Казалось бы, неслыханная дерзость, ан нет — венчание было вчера, в Никольском Морском соборе, и тогда меня, как и положено, обрядили в белое кружевное платье с юбкой-кринолином и длинным шлейфом. Белое — потому, что королева Виктория, не к ночи будь помянута эта коронованная распутница, выходила замуж в белом, чтобы подчеркнуть свою бережливость — и именно этот цвет вошел тогда в моду. Когда замуж выходила моя мама, то ее платье было традиционно красным — именно поэтому я и выбрала этот цвет на сегодня. А фасон... Сегодня здесь только близкие люди, причем почти все — из будущего, когда такими нарядами было трудно кого-либо удивить...

Именно из будущего. В июне прошлого года несколько кораблей из России третьего тысячелетия неожиданно оказались у недостроенной русской крепости Бомарзунд на Аландских островах — причем именно тогда, когда там появился англо-французский флот с многотысячным десантом. И дело закончилось полным разгромом агрессоров.

В составе «эскадры из будущего» — хотя какая это была эскадра, так, несколько судов, переброшенных неизвестными силами в прошлое, — находился и учебный корабль «Смольный», возвращавшийся из похода по Скандинавии. А на борту его в качестве журналиста — Ник Домбровский, американец русского происхождения, а со вчерашнего дня мой супруг.

Я же появилась у Аландов на борту яхты некого Альфреда Спенсера-Черчилля, друга моего английского кузена. Мне пообещали «захватывающее морское путешествие по Балтике» — и, как оказалось, гвоздем программы должен был стать разгром русских у Бомарзунда, а затем и в Финском заливе. Увы, снаряд французской пушки уничтожил нашу яхту и практически всех ее пассажиров — в живых остались лишь я, мой брат Джимми и сам Альфред. Нас подобрали и вывели русские — Альфред без руки вернулся потом в Англию, откуда он с тех пор плюет ядом в своих спасителей, а мы с Джимми остались здесь, в Петербурге. Я даже успела послужить медсестрой во время Турецкой кампании, недавно завершившейся нашей славной победой.

Само венчание прошло вчера — практически сразу после Богоявления; во время Рождествен-

ского поста и Святки Церковь — да, я теперь православная — не проводит этого таинства. Так как не только Ник, но и я причислены к Гвардейскому Флотскому экипажу, церемония состоялась в Никольском Морском соборе. Присутствовала на нем даже императорская фамилия... А потом праздновали в великолепном Строгановском дворце, где мы с Ником и провели нашу первую брачную ночь.

Должна сказать, что я ее побаивалась, но, как оказалось, зря... В подробности вдаваться не буду, разве что упомяну, что утром мы продолжили — уже по моей инициативе — и заставили присланные за нами сани ждать на морозе. Нас же ожидали в Ораниенбауме — именно здесь, по приглашению великой княгини Елены Павловны, нам и предстояло провести медовый месяц. Точнее, медовые две недели...

Зима в Петербурге мне, южанке, совсем не понравилась. Но когда неожиданно выходит солнце, кони резво бегут по снегу, ты сидишь в теплой меховой шубе, а рядом с тобой — твой самый любимый человек, то лучше и не придумаешь... Я вспоминала недавно прочитанные мною строки Пушкина: «Скользя по утреннему снегу, друг милый, предадимся бегу нетерпеливого коня...»

В Ораниенбауме нас поселили в великолепнейшем Китайском дворце. Но не успели мы расположиться, как начался второй день празднования — торжественный обед, а после него — бал. Приглашены были лишь близкие друзья, в основном из будущего. Своим присутствием нас почтили и великая княгиня Елена Павловна, хозяйка дворца, и сама императрица Мария Федоровна,

недавно вылеченная нашими врачами от страшного недуга — чахотки. Были и мои родители, и мой брат Джимми. Атмосфера царила самая непринужденная, и одеты все были хоть и нарядно, но неформально, а большинство — по моде двадцать первого века. Да и танцы были в основном из того же будущего — полагаю, многие, особенно на моей американской родине, сочли бы их верхом неприличия.

Из одной из дверей вышла Саша Бошман — одна из тех, кто вылечил ее императорское величество от чахотки, и при этом — великолепная танцовщица. Одета она была еще более фривольно, чем большинство собравшихся дам — коротенькое платьице, оставлявшее открытыми колени и руки, а также вырез на груди... Но выглядела она весьма элегантно. Поклонившись, она объявила:

— Дамы и господа, ladies and gentlemen, позвольте представить — allow us to present — танец 1920-х годов — чарльстон!

Еще три девушки, одетые примерно так же, а то и похлеще, присоединились к ней. Заиграла непривычная, но веселая музыка, и они стали красиво, но необычно танцевать. Я боялась, что возмутятся либо императрица или великая княгиня, либо мои родители, особенно когда я увидела, что одно из движений заключалось в том, что девушки приседали, широко расставив ноги; конечно, подробности были скрыты под юбкой, но выглядело это весьма смело.

Тем не менее великая княгиня радостно смеялась, императрица даже захлопала в ладоши, а моя мама сказала:

— В Чарльстоне такого, конечно, не увидишь...
А жаль! Красиво!

Отец лишь вздохнул. Семья моя не из Чарльстона, а из-под Саванны, в Джорджии, хотя и моя мама, и моя бабушка, папина мама, родились и выросли в Чарльстоне, где у нас осталось немало родни. И вскоре нам предстоит длинная дорога — мама настаивает на том, что нужно будет отпраздновать свадьбу и в Саванне, и в Чарльстоне. Она напирает на то, что война в Европе вроде бы уже закончилась. Впрочем, и я хочу посетить родные места, да и Ник мой отнесся к этой идее с энтузиазмом. Ему очень хочется посмотреть на Америку середины девятнадцатого века...

Да, русским — с помощью людей из будущего, конечно — удалось разгромить англичан и французов и на Балтике, и в Крыму. После этого во Франции пришел к власти император Наполеон IV, прекративший войну и вставший на сторону России. Затем последовал разгром Турции и английского флота, присланного ей на помощь. Впрочем, когда Турция задумалась о мире с Россией, этот самый флот безжалостно обстрелял Константинополь, так что и турки теперь ненавидят англичан.

Да и Англия недавно запросила переговоры о мире. Но, тем не менее, гадостей делать она не прекратила — более того, сумела вовлечь в свои планы молодого австрийского императора. И теперь все недавно принятые договоренности австрийцы соблюдать перестали, а обстановка на границе — как между Россией и австрийской Галицией, так и между Трансильванией и двумя

другими Дунайскими княжествами¹ — резко обострилась. Но до войны вряд ли дойдет — ведь австрийцы не самоубийцы.

Так что в мае, как только закончится мой подготовительный семестр в Елагиноостровском университете, мы с Ником отправимся в Копенгаген, а оттуда — в Нью-Йорк и далее через Чарльстон в Саванну. Если, конечно, не произойдет никаких сюрпризов...

И нельзя забывать о том, что после того, как папа с мамой посмотрели «Унесенные ветром», папа то и дело что-то обсуждал с русскими знакомыми из будущего, а после нашего возвращения — и с Ником. Так что не удивлюсь, если мы едем туда не только для того, чтобы отпраздновать нашу свадьбу с тамошней моей родней.

Но это все в будущем, а пока что у нас с Ником медовый месяц, и я с вожделием жду ночи, чтобы еще раз вкусить от чудесного плода, лишь вчера переставшего быть запретным.

---

¹Дунайскими княжествами именовались Молдавия, Валахия и Трансильвания.

Часть I

ИЗ ПЕТЕРБУРГА В АМЕРИКУ

24 (12) января 1854 года.

Санкт-Петербург.

Здание МИД на Певческом мосту.

Министр иностранных дел России

генерал-адъютант

Василий Алексеевич Перовский

Генерал-майор гвардейского экипажа Березин был лаконичен и удивительно спокоен. Хотя, как мне доложили, пришел он ко мне с довольно неприятными известиями. А именно: Чарльз Каттлей, который в конце прошлого года встречался с ним, чтобы обсудить возможность заключить мирный договор между Россией и Англией, после полуторамесячного молчания сообщил нам, что по непонятным для него причинам он отстранен от дальнейшего ведения переговоров. Причины принятия такого странного решения Каттлей не сообщил.

Я знал, что генерал-майор Березин занимался тем, что у наших потомков называлось внешней разведкой, и потому решил подробно расспросить, дабы узнать его мнение о таком несколько странном решении кабинета виконта Пальмерстона. Понятно, что тут не обошлось и без стараний королевы Виктории. Она постоянна в своей ненависти к России. Мы, кстати, тоже не пылаем осо-

бой страстью к Англии. Однако на то и существует дипломатия, чтобы страны и народы решали спорные вопросы без кровопролития.

— Андрей Борисович, — спросил я, — что вы думаете по поводу сообщения сэра Чарльза? Не кажется ли вам, что английское королевство окончательно потеряло разум? Ведь продолжение войны с нами чревато для него катастрофой.

Генерал-майор криво усмехнулся.

— Василий Алексеевич, — ответил он, — как мне кажется, подобное решение вызвано чувством отчаяния. Ведь достаточно эскадре адмирала Кольцова возобновить блокаду побережья Англии...

При этом Березин сделал пальцами некий вошеубойный жест, показывая, что с Туманным Альбионом может произойти нечто весьма для него неприятное.

— Вот и я такого же мнения. Андрей Борисович, а что докладывают ваши агенты? Ведь я знаю, что они довольно успешно действуют в той же Англии и других европейских странах.

— Информация, полученная от них, весьма противоречивая, но можно констатировать следующее. Решение о прекращении наших неофициальных контактов с Лондоном принято по инициативе банкирского дома Ротшильдов. При этом французские Ротшильды, по крайней мере на словах, объявили о своем нейтралитете. А вот венские Ротшильды...

— А что они? — меня заинтересовала позиция венских банкиров, влияние которых на политику Австрии было весьма значительно.

— Граф Горчаков сообщил, что решение о смене министра иностранных дел на Балльхаусплац¹ было принято Францем-Иосифом не без подсказки Ансельма Соломона Ротшильда.

— А что этому Гобсеку надо от России? — брезгливо поморщился я. — Неужели в Вене все никак не могут успокоиться после того, как австрийцев выставили за дверь в Дунайских княжествах. Так они до того завладели ими, воспользовавшись временной слабостью России, на которую напали Англия, Франция и Турция.

— Однако времена изменились. Турция и Франция вышли из войны. Они теперь скорее дружественны нам. А вот к Англии бывшие союзники испытывают далеко не дружеские чувства.

— А к Австрии? — поинтересовался я.

— В нашей истории в 1859 году началась австро-итало-французская война. В ходе нее французы отобрали у австрийцев Ломбардию, которую впоследствии обменяли у сардинцев на Ниццу и Савойю. Кончилось же все объединением Италии под властью Савойской династии.

— Вот как, — мне стало любопытно. — А не захочет ли новый французский император проделать то же самое с Австрией?

— Думаю, что пока таких мыслей у нашего друга Плон-Плона нет. Страна устала от войны. Но если на нее нападут...

Березин усмехнулся и посмотрел на меня. Я знал, что наши потомки в некоторых случа-

---

¹Балльхаусплац — площадь в Вене, на которой расположены главные правительственные резиденции Австрийской империи.

ях бывают хитрей византийцев. Любезный Андрей Борисович дал мне понять, что в нашей жизни возможно всякое. В том числе и неспровоцированное нападение австрийцев на уставшую от войн и революций бедняжку Францию. И тогда...

— А как нам быть с Англией? — письмо от Чарльза Каттлея не давало мне покоя.

— Я думаю, что скоро британцам будет не до России. Через два года в Индии вспыхнет восстание сипаев — войск Ост-Индской компании, сформированных из индийцев, но вооруженных по английскому образцу и несущих службу под командованием английских офицеров. В Дели, провозглашенном восставшими своей столицей, на престол Великих Моголов будет посажен престарелый Бахадур Шах. С огромным трудом и понеся немалые потери, англичане в нашей истории сумели подавить это восстание. А ведь они могут его и не подавить...

— Подкрепления в Индию доставляются по морю. Если же мы продолжим блокировать побережье Англии, то войскам Ост-Индской компании придется обходиться своими силами. — Мне стала понятна мысль Березина.

— К тому же, Василий Алексеевич, не стоит забывать о мусульманском факторе. Как мне доложили из Константинополя, султан Абдул-Маджид решил перенести вектор своей экспансии в Азию. И он, будучи халифом — духовным главой всех мусульман мира, — не может не оставить без поддержки своих единоверцев, которых безжалостно истребляют кровожадные англичане.

— Да, этот фактор тоже не следует сбрасывать со счетов, — кивнул я. — Только не следует забывать, что и в нашей империи проживает немало мусульман...

— Я имел честь побеседовать с султаном, — улыбнулся Березин. — Так вот, я продемонстрировал не только знакомство с мусульманскими обычаями, но и знание истории взаимоотношений между нашими предками.

— Так мы вроде с турками все время воевали, — удивился я.

— Не всегда. Если вы, Василий Алексеевич, помните историю Киевской Руси, то, вы, наверное, обратили внимание на упоминание в русских летописях степняков, которые несли пограничную службу, охраняя южные рубежи Древнерусской державы. В летописях их называли ковуями.

— Помню, упоминание о них есть и в «Слове о полку Игореве». Только при чем тут турки?

— Так вот, ковуи — это огузские племена. Сами они называли себя кайи. Это одно из двадцати четырех самых древних огузо-туркменских племен. И из него и происходит династия османских султанов...

— Следовательно, нынешние турки...

— Именно так, Василий Алексеевич. Предки турок-османов еще во времена киевских князей верно служили им своими саблями. И лишь нашествие монголов на Русь разрушило Киев и рассеяло храбрых защитников его пограничных рубежей по всей Азии...

— Интересно вы рассказываете, Андрей Борисович, — я удивился тому, что подполковник

из будущего так хорошо знает наше прошлое. — История — штука весьма полезная не только для ученых, но и для дипломатов. Прошу вас внимательно отслеживать все телодвижения наших недругов — англичан и австрийцев. Боюсь, что они доставят нам еще немало хлопот...

***25 января 1855 года.
Вена, Балльхаусплатц,
Министерство иностранных дел.
Граф Александр фон Менсдорфф-Пули,
министр иностранных дел
Австрийской империи***

— Князь, я пригласил вас для того, чтобы выразить вам нашу крайнюю озабоченность шагами, предпринятыми Российской империей в последнее время.

Сидевший напротив меня человек чуть склонил голову. Он был не слишком молод — через три года ему должно исполниться шестьдесят — и носил очки в тонкой металлической оправе, что делало его похожим то ли на университетского профессора, то ли на счетовода из преуспевающей коммерческой фирмы. Впрочем, мундир с множеством орденов давал понять, что я имею дело с незаурядным человеком. Да, это был князь Горчаков, российский посланник в Вене, не так давно заменивший прежнего посланника барона фон Мейендорфа.

— Могу ли я узнать, граф, какие именно наши шаги могли вызвать подобную озабоченность?

— Я перечислю их. Повторная оккупация двух Дунайских княжеств. Ваши войска на двух наших границах, в Карпатах и у Галиции и Лодомерии. Но главное — насколько нам известно, именно на вашей территории скрываются изменники граф Иоганн Бернгард фон Рехберг унд Ротенлёвен и граф Карл Людвиг фон Фикельмон. Они немедленно должны быть задержаны и выданы нашему правосудию.

Лицо Горчакова оставалось доброжелательным, равно как и его тон, но слова его, произнесенные весьма учтиво, меня не обрадовали:

— Граф, смею вас заверить, что его императорское величество император Николай Павлович отнюдь не против выдачи подданных его императорского величества Франца-Иосифа. Достаточно только предъявить неоспоримые доказательства виновности того или иного из числа ваших подданных, после чего таковые будут рассмотрены Министерством иностранных дел и лично его императорским величеством. Что же касается присутствия наших войск на территориях Дунайских княжеств, то смею вас заверить, что в договоре между нашими империями указана таковая возможность, причем до заключения мира с Османской империей никаких ограничений на их количество не прописано.

— Но... — только и смог я вымолвить, пораженный наглостью русского посланника. — Между Петербургом и Константинополем установлено перемирие.

— Смею напомнить, что самого мирного соглашения с турками — где бы их столица в будущем